

Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы.

Для истории византийского землевладения монастырские архивы дают ценнейший вклад в науку при изучении отдельных вопросов в этой области. Материал в виде актов частных собственников сохранился до настоящего времени большею частью в тех же монастырских архивах, а не в самостоятельном виде. Причины такого явления кроются в дальнейшей судьбе жителей Византийской империи, которые после подчинения туркам утратили свои земельные богатства, перешедшие к завоевателям; те же монастыри, которые уплачивали наложенные на них турками подати, имели возможность сохранить свои земельные владения, и, следовательно, их архивы с документами остались неприкосновенными. Надо сказать, что и в эпоху, предшествующую турецкому завоеванию, монастырские архивы были в большей сохранности, чем документы помещиков, и поэтому нет ничего удивительного в том, что после разгрома империи помещичьи архивы не сохранились. Среди уцелевших до нашего времени актов о монастырском землевладении, монастырь Лемвиотиссы дает наиболее ценный материал по этому вопросу, так как здесь мы имеем возможность проследить, начиная от 1192 года и кончая 1294 годом, историю систематического обогащения монастыря за счет его соседей. Изучение сельского хозяйства других монастырей приводит к тем же выводам, что имеет важное значение при выяснении различных вопросов в истории землевладения.

Среди прежних исследователей занимался изучением землевладения акад. В. Г. Васильевский, который в своей статье «Материалы для истории Византийского государства» останавливается и на актах монастыря Лемвиотиссы,¹ распределив их на следующие 5 групп по

¹ Ж. М. Н. Пр., 1880, июль, стр. 116.

содержанию: 1) Императорские хризовулы и пожалования. 2) Вклады и пожертвования частных лиц. 3) Разные приобретения монастыря посредством купли. 4) Споры и тяжбы и другого рода акты, группирующиеся около одного какого-нибудь предмета или имения. 5) Единичные и отдельные акты такого же рода, то-есть, столкновения и ссоры с соседями по какому-нибудь частному и отдельному случаю.

На основании актового материала Васильевский старается выяснить, какого рода привилегиями пользовался монастырь, как совершался процесс поглощения частных мелких собственников, какие цены были на землю и другие предметы, и, наконец, каковы были особенности византийского судопроизводства. Б. А. Панченко в его труде «Крестьянская собственность в Византии», продолжая работу Васильевского, также обращает большое внимание на монастырь Лемвиотиссы, и старается дать очерк истории каждого монастырского, крестьянского и владельческого имения.

Настоящая работа, основываясь на предшествующих трудах, ставит своей целью изучение хозяйства Лемвиотиссы, как такого центра, который стягивал под свою защиту многих мелких собственников, добровольно переходивших в крепостную зависимость ради сохранения своей жизни.

При исследовании самих актов необходимо отметить, что наиболее ранний документ в актах Лемвиотиссы датируется 1192 г., хотя здесь придется сделать некоторую оговорку. Среди актового материала нашего монастыря мы имеем продажную запись Марии Ангелины, жены Хризверга, на маслины, проданные Феодору Комнину в 1181 г., но в виду того, что во всех других документах Феодор Комнин (стр. 99, 114 и 115)¹ и подписавшийся под грамотой стряпчий Николай Филокинигит (стр. 94, 96, 98, 99, 115, 117, 124, 112, 129)² обозначены как люди, живущие во второй половине XIII в., а не в XII в., мы можем считать датировку 1181 г. неправильной и поставить вместо нее 1281 г. Поэтому обзор документов должен начаться с 1192 г. и закончиться 1294 г. За этот столетний промежуток времени, который представлен в актовом материале, мы являемся свидетелями систематического обогащения монастыря за счет его соседей.

Самый монастырь Лемвиотиссы находился около моря, у города Смирны, на горе Лемво. Местоположение его было чрезвычайно

¹ Miklosich et Müller, IV t., Acta et diplomata graeca medii aevi.

² Ibid.

удобно, так как близость моря давала возможность иметь свои собственные корабли, что крайне важно было для монастыря при его сложной и обширной хозяйственной организации. Сведения об истории монастыря мы можем почерпнуть из слов императора в хрисовуле 1228 г. о том, что он, возлюбя место, решил возобновить храм, воздвигнуть кельи для монашеского чина и сделать все остальное, необходимое для потребностей монастырской жизни.¹

Основным ядром в сельском хозяйстве монастыря являлось село Вари или Милы, которое было прежде за монастырем Вседержителя, а потом было пожертвовано Лемвиотиссе, о чем мы знаем из хрисовула 1228 г., подтвердившего прежнее пожалование. Но на территории Вари были самостоятельные хозяйства, которые продолжали существовать вплоть до конца XIII в., и в 1287 г. Константин Гавал продал монастырю усадьбы в Вари.² Отдельные крестьянские усадьбы были у Лемвиотиссы во многих других окрестных селах, и в самой Смирне, и в ее предместьи. При этом надо отметить, что размеры некоторых отдельных крестьянских дворов с усадьбами были так ничтожны, что достигали только одного или двух модиев,³ крупные же усадьбы имели 100 и 160 модиев.⁴

Изучение истории каждого отдельного имения было в свое время сделано Б. А. Панченко, и поэтому в настоящей работе центральное место займет самый монастырь, как крупный земельный собственник, который расширял свои владения всевозможными способами. В средневековой Европе укоренился такой взгляд, что пожертвованное однажды монастырю ни в коем случае не может быть отторгнуто обратно, так как пожертвованное богу считается неотъемлемой монастырской собственностью, и государственная власть в данном случае стоит всецело на страже монастырских интересов. Никакие обстоятельства не могли оправдать жертвователя даже в том случае, когда, по независящим от него причинам, дарственная запись нарушалась. Перед нами интересный документ записи царского вестиярита⁵ Смирны Георгия Калоида.

¹ Ibid., 2.

² Ibid., 228.

³ Ibid., 73, 198.

⁴ Ibid., 163, 235. Термин *χοράφιον* определяется в статье акад. Ф. И. Успенского в «Анналах» за 1928 г. «Социальная эволюция и феодализация в Византии», в «Вазелонских актах», изданных акад. Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем и в статье Вернадского «*Vysantské popisy pŕdy*».

⁵ Вестиярит — чиновник гражданского ведомства.

Георгий Калоид дал монастырю запись на метох св. Георгия, но царский родственник захватил этот метох, и Калоид был вынужден подчиниться его власти и записать на него метох. Устраненный от владения метохом монастырь потребовал, чтобы ему было дано взамен денежное возмещение за те расходы, которые были совершены по этому случаю. Калоид, в виду тяжелого материального положения, не мог выполнить это монастырское требование и передал взамен во временное пользование крестьянские усадьбы в Меманиомене Авлакском. Впоследствии по просьбе Калоида монахи возвратили усадьбы и в награду получили в Мантии 13 маслин в соседстве с монастырским владением.¹

Таким образом, совершенно неповинный в нарушении дарственной записи, составленной по требованию высшей власти, Георгий Калоид вознаграждает монастырь другим даром и только благодаря полному отсутствию за ним какой-нибудь вины не присуждается к уплате штрафа, который обычно требовался при нарушении или изменении дарственных записей. Имущественному росту всякого крупного монастыря, кроме обычных хризовулов, дарственных записей частных лиц и покупок, содействовали еще отдачи бедных и малых монастырей. Так жители деревни Геника² передали монастырю Лемвиотиссы обедневший монастырь Аманариотиссы, который столь сильно обнищал, что никакие усилия отдельных лиц, получавших от епископа игуменство, не могли восстановить разрушенное монастырское хозяйство, и поэтому монастырь был передан в качестве метоха в полное владение богатому монастырю Лемвиотиссы. Бедные монастыри нуждались в защите не меньше, чем мелкие собственники, и поэтому судьба их была похожа на участь крестьян. Они также лишались прав на самостоятельное существование под опекой богатого монастыря, концентрировавшего около себя как светских, как и духовных мелких собственников. Пользуясь своими исключительными преимуществами, как освобождение от уплаты всех государственных налогов, кроме двух: агапы и ситаркии,³ и постепенно разными способами присоединяя к себе соседние земли, монастырь имел возможность образцово поставить свое сельское хозяйство, имея в своем распоряжении для правильного торгового обмена даже корабли. Монастырские корабли были освобождены от уплаты всяких государственных налогов, и импе-

¹ Miklosich et Müller, IV t., 102.

² Ibid., 265.

³ Ibid., 86, 249.

раторский приказ¹ запрещает дуке Фракийской фемы Контофре приходить в село Вари для сбора корабельной пошлины. Другой приказ, выданный в апреле 10 индикта, также подтверждает освобождение париков села Вари от дара с кораблей.² Кроме того 3 другие указа строжайше запрещают брать подать с кораблей на том основании, что монастырь никогда не платил этой подати.³ Уже одно наличие кораблей в монастыре указывает на крупное развитие хозяйства, для которого необходимы были удобные средства сообщения. Действительно, при изучении монастырских актов мы встречаемся с обширными садовыми плантациями, имевшими в некоторых случаях даже искусственное орошение. На этих плантациях культивируются виноградники, грушевые деревья, яблони, олеандры, орешники, смоковницы, дубы, шелковичные деревья и главным образом маслины. Монастырское хозяйство не исчерпывалось только культурой садовых деревьев и хлебопашеством; при монастыре занимались скотоводством и рыбным промыслом, имелись свои собственные мельницы и соляные варницы—по дарственной записи Николая Дермата⁴ и детей Валка.⁵ Кроме собственных соляных варниц монастырь получал еще ежегодно 200 модиев соли. Эта соль, вероятно, была необходима для обширного монастырского хозяйства, так как собственная соль была в слишком незначительном количестве для того, чтобы удовлетворять многочисленные хозяйственные потребности. Конечно, такое громадное хозяйство постоянно нуждалось в рабочих руках и поэтому монастырю разрешалось принимать в свои владения для работ требуемое количество бедных земледельцев.⁶ Кадр необходимой рабочей силы повсеместно составлялся из пришельцев и бедняков, незаписанных в писцовые книги; монастырь Лемвиотиссы пользовался главным образом трудом пришедших островитян, которые в то время находились под постоянной угрозой неприятельских и пиратских набегов и поэтому, в силу необходимости, отдавались под защиту монастыря и становились зависимыми ради сохранения своей жизни.⁷

¹ Ibid., 249.

² Ibid., 250.

³ Ibid., 251—253.

⁴ Ibid., 150.

⁵ Ibid., 48.

⁶ Ibid., 177.

⁷ Ibid., 223. ξένους και ἀνεπίγνωστους τῷ δημοσίῳ, ἤθουν τοὺς νησιωτὰς καὶ τοὺς ἐτέρους.

Это привлечение новых работников совершалось как самими монахами, так и при помощи императорской власти. По просьбе игумена Герасима император заселяет монастырские места в Паспаре и в Вари пришельцами, которые получают освобождение от уплаты государственных налогов и обслуживают исключительно один монастырь.

Крупные императорские земельные пожалования сопровождались обыкновенно и даром крепостных — париков. Эти парики могли находиться не только на пожалованной земле, но и в других местах, и обязывались уплачивать установленные налоги своим господам. Трое сыновей Мила, которые жили в Смирне и находились в парикии, обязаны были уплачивать монастырю налоги. В некоторых случаях крепостное состояние могло быть уделом даже для детей жертвователей. Так Василий Планит в 1242 г., вместе со своим братом монахом Максимом, дал монастырю дарственную запись на свои дворы и деревья в деревне Мантии, с которых уплачивался государственный налог в 3 перпера. Половина родового имущества тотчас же отходит к монастырю, а половина остается за Василием и его матерью в течение всей их жизни. За свою половину они уплачивают монастырю полтора перпера и находятся под монастырской защитой, а несовершеннолетние дети их должны быть свободны от всякого казенного и иного взыскания. Монастырь по отношению к ним, добровольно отдавшим свою собственность, не может предъявлять какое-либо требование и настаивать на выполнении парикии или службы.¹

Эта запись драгоценна в том отношении, что показывает нам ясно причины перехода в зависимое состояние. Злоупотребления и притеснения со стороны государственных чиновников и крупных династов заставляли средних и мелких земельных собственников отдаваться под покровительство могущественного соседа. Девять лет спустя, императорский хризовул 1251 г. уже упоминает о Василии Планите, как о лице, живущем в монастырской деревне в качестве парика, что было уже отмечено и Панченко в его труде «Крестьянская собственность в Византии». Следовательно, надо полагать, что в дальнейшем потомки Василия лишатся прав своего отца и будут числиться монастырскими париками, так как дети устраняются от владения имуществом на основании дарственной грамоты.

¹ Ibid., 67. ἀλλ' οὐτε παρὰ τοῦ μέρους τῆς μονῆς ἐφῆρσουςι ζήτησίν τινα ἢ παροικίας νομὴν ἢ συγχρότησιν.

Лишенные прав на наследство дети, чтобы иметь возможность существовать, должны были переходить на положение крепостных, и таким образом пополнялся класс зависимых париков. Добровольный переход из свободного состояния в зависимое объясняется еще и тем, что подчинение монастырю освобождало от несения повинностей и насилий со стороны динатов и государственных чиновников. Теснимый со всех сторон мелкий, собственник соглашался скорее потерять независимое положение, чем жить под постоянной угрозой лишения имущества и даже, может быть, самой жизни. Грамота патриарха Арсения монастырю Лемвотиссы, суммируя все привилегии, данные царскою властью, устанавливает следующие права монастыря: все пожертвованное монастырю по царским хризовулам и грамотам, где бы оно ни находилось, пусть будет свободно и не встречает притеснений со стороны частных лиц и всякой государственной и архонтской власти. Пусть не причиняются тяготы или убытки метохам, хлебным запашкам, рыбным ловлям в Мантии и Палатии, и парикам в деревне Вари или Милы и парикам в Смирне и в Потамах, т.-е. в Сфурне, и всем парикам и работникам монастыря, находящимся в окружности, и остальному монастырскому имуществу, состоящему из неводов, виноградников, земельных участков, маслин и мастерских. Все монастырские владения, на основании царских хрисовулов и приказов, считаются освобожденными от уплаты налогов и отбывания повинностей.¹ Вот эти обширные льготы, дарованные монастырю, несомненно и привлекали новых поселенцев на его земли. Лица, находящиеся в парикии, не имели права продавать ту землю, на которой они жили. Это постановление, запрещающее парикам продавать землю, не является новостью и было давно уже известно в византийском законодательстве. «Рассуждение магистра Козьмы о париках», относящееся к X в., устанавливает, что «согласно существующему паричскому праву парики не могли передавать или продавать полученное во временное пользование место». Передавать, давать в приданое, дарить и обменивать землю по византийскому праву могли только полноправные господа.² Приказ, выданный по случаю спора Ивана Равдоканаки с монастырем из-за земли в селе Вари, устанавливает, «что неправильна продажа, совершенная лицами, находящимися в парикии,

¹ Ibid., 287.

² Ibid., 120 и д.

потому что не могут плательщики подати продавать без согласия про- ниаров,¹ которые их имеют, как подчиненных государству, постоянными плательщиками».²

В конечном итоге господин даже являлся наследником земельного имущества, приобретенного на личные средства крепостного,³ и нам известен по актам даже случай отдачи парика в качестве дара монастырю,⁴ что ясно указывает на усиление элементов крепостного права в XIII в. Государственная власть более поддерживает интересы крупных землевладельцев, чем их крепостных, так как финансовая политика требовала того, чтобы парики были прикреплены к своему участку и не продавали бы его в виду того, что эта продажа осложняла бы дело ведения государственных писцовых книг и в конечном результате затрудняла бы взимание налогов с податного населения. Поэтому государственная власть запрещает парикам покидать своих прониаров, и императорские чиновники возвращают беглецов на их прежние места. Перед нами просьба 1244 г. монахов монастыря Лемвиотиссы, которые обратились к императору с жалобой, что переданные им парики ушли из монастырских сел в иные места и благодаря этому выселению монастырь лишился своих крепостных; монахи просят императора, чтобы парики были возвращены на прежние места и чтобы они имели возможность брать с них надлежащую подать. Император исполняет монастырскую просьбу и приказывает местным государственным властям отпустить париков без всякой отговорки. Монастырь не должен лишиться ни одного парика, и поэтому лица, завладевшие монастырскими париками, должны отпустить их в монастырь Лемвиотиссы.⁵ Свободный переход от одного владельца к другому, несомненно, вызвал бы запустение крупного земельного хозяйства, что шло в разрез с фискальными интересами государства, для которого расцвет сельского хозяйства обеспечивал и правильное поступление налогов.

¹ О пронии см. статью Ф. И. Успенского, Значение византийской и южно-славянской пронии. Сборн. статей по славяноведению, изданный в честь Ламанского 1883 г.

² Miklosich et Müller, IV, 199. οὐκ ὀφείλον οἱ Γουναρόπουλοι διαπωλῆσαι πρὸς τὸν Βλαττερὸν τὴν τοιαύτην γῆν διὰ τὸ ὑπὸ παροικίαν τελεῖν καὶ μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖς πιπράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα.

³ Ibid., 165 и 167.

⁴ Ibid., 236.

⁵ Ibid., 261.

Государство во избежание даже временного прекращения поступления налогов, в случае продажи земли, заставляло прежнего собственника вносить налоги, и поэтому при совершении купчих покупатели обязуются уплачивать налоги прежнему владельцу.¹ Дарители в некоторых случаях даже принимали на себя обязательство уплачивать государству причитающийся с земельного владения налог.²

Вероятно, количество крепостных не было вполне достаточным для обслуживания сельско-хозяйственных надобностей, и поэтому бывали случаи сдачи в аренду церковной земли. Это обстоятельство указывает на то, что труд крепостных должен был цениться, и монастырь принимал все меры к тому, чтобы утвердить свою власть над париками и оградить их от произвола всякой другой власти. В тех же случаях, когда своих крепостных не хватало, приходилось отдавать пустующую землю свободным, которые становились в положение близкое к крепостному. Монах Каллиник Скуллат, получивший по грамоте Смирнского митрополита Иоанна из церковного имущества земельный надел около трех модиев в Мантии для возделывания винограда с правом пользоваться всем доходом с него, обязан за это вечно находиться на службе церкви, охранять церковное имущество и трудиться и заботиться о нем.³ Подать в пользу церкви ежегодно уплачивается в количестве $\frac{1}{4}$ номисмы. К вечной службе на пользу церкви привлекались сыновья Скуллата, становившиеся таким образом в зависимое положение по отношению к церкви. Но эти последние смогли освободиться от неудобных для них условий и продали землю Лемвиотиссе, как свое родовое имущество.⁴ Следовательно, наиболее ловкие лица умели нарушать постановления парического права, пользуясь тем, что наряду с крепостными существовали и свободные земледельцы, которые имели право продавать свою землю, и лишь постепенно переходили на положение крепостных. В актах XIII в. эта тенденция закрепощения выражается в неопределенности социального положения свободного до этого времени эпика. В пятом указе актов о Сфурне жители именуются как эпики Сфурна, находящиеся в зависимости от Сиргара.⁵ В судеб-

¹ Ibid., 183, 185.

² Ibid., 170.

³ Ibid., 85. διὰ τὸ εἶναι αὐτὸν διηνεκῆ δουλευτὴν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίας καὶ φύλακα τῶν ἀνωθεν δηλωθέντων ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων καὶ συστάτην καὶ ὀλοσχερῶς ὑπὲρ τούτων πονούμενον καὶ φροντίζοντα.

⁴ Ibid., 131.

⁵ Ibid., 40.

ной же описи¹ и в шестой грамоте² актов по этому делу эти же самые жители названы париками кавалария Сиргара. Подобное смешение двух социальных терминов в XIII в. должно указывать на то, что старая терминология утратила прежнее значение, и прежние независимые собственники, признавшие над собою постороннюю власть, стали смешиваться с прежними крепостными. Причины закрепощения надо искать в политических и экономических условиях того времени; поэтому мы обратимся к исследованию актов, связанных с историей Сфурна. На суде выяснилось, что Сфурн, из-за которого спорили парики Сиргара и монастырь Лемвиотиссы, не является наследственным имуществом Потамитов или Мантианских париков, но был за монастырем Руфинианов, которому уплачивалась десятина. Во время латинского управления в стране Филантра севастократор Георгий всех жителей выселил из Фракийской фемы и поселил в укрепленных местах. Вместе с другими и Потамиты были выселены из прежних жилищ и отправлены в Сфурн, как наиболее укрепленное место. После ухода Филантра они опять возвратились в свои дома вместе с остальными окрестными жителями. В тридцатых годах XIII в. они вновь пытаются заселить Сфурн, на что не соглашается игумен Герасим, так как Георгий Калоид пожертвовал эту усадьбу монастырю. Тогда в дело вмешался Сиргар, который убеждал игумена разрешить парикам поселиться в Сфурне в виду того, что там безопасно, монахов же мало, а окрестность дикая и безлюдная. Покровительство крупного дината дало возможность Потамитам рассматривать Сфурн как свое родовое имущество, из-за чего и возникло долгое и затяжное судебное дело. Во всяком случае, получение поддержки со стороны Сиргара стоило недорого Потамитам, перешедшим на положение его крепостных.

Вообще процесс социальной эволюции XIII в. в Малой Азии характеризуется уменьшением класса свободных земледельцев, для которых нашествие врагов и распри крупных земельных собственников были более чувствительны в экономическом отношении, чем для самих динатов. Эпики страдали и от собственных вельмож и от неприятелей и ради сохранения своей жизни теряли свою самостоятельность в надежде под охраной сильного сохранить свое имущество и право на существование. В происходящей классовой борьбе императорское прави-

¹ Ibid., 36.

² Ibid., 41—42.

тельство старается быть иногда беспристрастным и в данном случае признает на основании свидетельских показаний право монастыря на Сфурн. Но принимая во внимание те культурные улучшения в земледелии, которые были произведены париками, судебный приговор постановляет дать им место в восточной части св. Георгия, как возмещение за произведенные ими благоустроения. Определенно выработанной программы по отношению к эпикам императорское правительство не имело, и в одних случаях поддерживало их интересы, а в других случаях отдавало в дар с землей и свободных эпиков, как, например, жителей села Вари, которые, вероятно, считая себя свободными, не желали исполнять крепостные обязанности; монахи обратились на них с жалобой к императору, который в своем ответном указе грозит мятежникам, что накажет их и силой заставит исполнять крепостные обязанности. Император защищает монастырские интересы, так как эпики села Вари были пожалованы монастырю на основании царских хризовулов и указов и самовольно перестали подчиняться приказаниям монастырской власти и даже препятствовали пришельцам, поселившимся на монастырской земле, платить монастырю надлежащие подати, сами не несли повинности ямщины и вообще не желали исполнять обязанностей, связанных с парикией.

Императорский указ постановляет, чтобы эпики находились в зависимости от монастыря, платили надлежащую подать, отбывали ямщину, как и прежде, и вообще выполняли все возложенные на них подати и повинности. Управляющий Фракисийской фемой на основании государственного права должен подвергнуть этих непокорных жителей наказанию и принудить их к повиновению и к уплате надлежащей подати. Далее в указе выясняются любопытные подробности о задолженности эпиков монастырю. Во время войны, бывшей за несколько времени до этого, эпики села Вари заняли у монахов 55 полновесных перперов и до сих пор их не уплатили.¹ В. Г. Васильевский предполагает, что долг был совершен по случаю воинской обязанности, но обозначает не только воинскую службу, но также войну и поход, и в данном случае указ может относиться к войне, во время которой эпики вполне естественно могли взять в долг деньги, как для нужд воинской повинности, так и на свои личные потребности. Это заключение подтверждается еще и тем, что в акте 1268 г.² исполнение

¹ Ibid., 255.

² Ibid., 161.

воинской обязанности определяется более точно «ἡ στρατιωτικὴ δουλεία». Вероятно, пользуясь задолженностью эпиков после прекращения латинского господства, монахи настояли на отдаче им в крепостную зависимость неисправных должников. В данном случае исключительно экономическими условиями объясняется потеря самостоятельности и переход в крепостную зависимость. Лишение свободы, однако, не означало освобождения от уплаты долга, и император приказывает эпикам возвратить взятые номисмы, если они не желают сверх насильственного отобрания номисм подвергнуться еще большему взысканию.

Только что разобранный указ нуждается в особом внимании исследователя. Он нам ясно указывает, что потерявшие свободу из-за общегосударственного несчастья эпики не желали признавать себя крепостными и думали отстаивать свои права в союзе с другими товарищами по несчастью, пришедшими на монастырские земли.

Попытка сопротивления была неудачной, и государственная власть не вошла в положение земледельцев, занявших деньги у монастыря в годину общественных бедствий. В X в. законодательство не считало действительной продажу, совершенную в крайней нужде в момент каких-либо стихийных несчастий, как, например, голод, и динат должен был вернуть бедняку купленную по дешевой цене землю.¹ Но в XIII в. картина меняется и императорская власть поступает более жестоко, чем даже в предшествующем случае с Потамитами, когда земля была возвращена монастырю после тщательного расследования, и за произведенные в сельском хозяйстве улучшения эпики даже получили возмещение, хотя, может быть, причина более счастливого исхода дела крылась в покровительстве могущественного Сиргара. Общее обвинение эпиков подтверждает и грамота Неохорских эпиков 1293 г.² Эпики не могли представить письменных документов, утверждавших их права на усадьбы, и поэтому царский вестиярит Лев Монастириот присудил эту землю с усадьбами монастырю. Эпики присуждены были к уплате десятины с шестого индикта, то есть со времени обработки монастырской земли. Ради их нищеты, как говорится в грамоте, эта десятина была прощена монахами при условии полного отказа на предъявление прав на означенную землю.

Несомненным доказательством того, что эпиков надо рассматривать как свободных земледельцев является то обстоятельство, что они

¹ Zachariae a Lingenthal, Jus graeco-romanum, III, 252.

² Miklosich et Müller, IV, 231.

совершают вкладные записи в монастырь. Лица же, находившиеся в зависимости, не могли написать дарственную без согласия своего господина. Кроме того, привлечение местных людей, то есть тех же эпиков, в качестве членов суда является крупным доказательством того, что они были свободными, так как немыслимо было бы апеллировать к своим собственным или чужим крепостным.¹ Нельзя, конечно, утверждать, что всегда социальные смуты влекут за собой закрепощение мелких собственников; в некоторых случаях, наоборот, более ловкие лица не только освобождались от крепостной зависимости, но и приобретали собственность.

Перед нами интересная жалоба игумена монастыря Лемвиотиссы Леонтия на Николая Казана,² захватившего монастырскую землю в момент разорения монастыря после нашествия агарян. Патриаршее постановление приказывает митрополиту Смирны Константину и заведывавшему казенными сборами в округе Алексею Кастамониту восстановить монастырь в его правах. Для разбора дела были приглашены игумен Леонтий и Казан; его спросили, на каком основании он владеет масляной плантацией, на которую имеется запись и которая по практику Кастамонита занесена в монастырский столбец и за владение которой монастырь уплачивает подать. Николай Казан показал запись на плантацию, но эта запись не была признана законной, и поэтому за монастырем было признано право на владение масляной плантацией. Императорский указ прибывает севасту Михаилу Кадриану³ вернуть монастырское имущество, захваченное во время обнищания монастыря, когда в нем почти не осталось монахов. Император, заботясь о благоустройении монастыря, приказывает навести следствие о принадлежащем монастырю имуществе и после тщательного расследования отбирать от захватчиков имущество, будь то усадьбы, виноградники, маслины и другие деревья, или мельницы.⁴ Монахи владеют всем своим имуществом и извлекают доход для нужд церковного управления и монастырской жизни. Все неправомерно захватившие монастырскую собственность не имеют права нарушить царское постановление и обязаны отдать монастырю его имущество, если не желают навлечь на себя царский гнев.

¹ Ibid., 93.

² Ibid., 62—63.

³ Ibid., 145.

⁴ Ibid., 146.

Следовательно, даже монастыри не были застрахованы от грабежа, и тем более мелкие собственники не могли надеяться на помощь со стороны правительства, которое, храня старую идеологию о неприкосновенности имущественных прав, не могло, однако, проводить эту мысль в исполнение по причине своего собственного бессилия.

В деле Керамари с Кутулом мы и встречаемся с такой старинной фразеологией. Сын Керамари, говорится в приговоре, лишается прав на владение землей, так как его отец посредством насилия захватил землю; долгий же срок времени не может помочь обидчикам.¹ Эта последняя фраза судебного приговора по выраженной в ней мысли имеет много общего с законодательством X в., когда производилась замечательная попытка оградить права слабого от насилий со стороны сильного. В XIII в. эта цель была забыта, но мощный и жесткий способ выражений X в. продолжал еще существовать в юридических актах XIII в. Таким образом, формула пережила действие, так как здесь фактически ограждаются права богатого монастыря, а не мелкого собственника. Иначе трудно было бы ожидать, чтобы человек друнгария Гавала, каковым был Керамари, мог проиграть тяжёбое дело со свободным бедняком; но так как Кутул был париком монастыря, то, следовательно, и тяжба велась между монастырем и Керамари, и поэтому нет ничего удивительного в том, что монастырь выиграл.

Земля парика отошла к сюзерену, что еще лишний раз указывает на усиление элементов крепостного права. Различные насилия и несправедливости в сильной степени содействовали процессу исчезновения мелкой земельной собственности. Небрежное отношение чиновников к измерению земельных участков еще более увеличивало бесконечное количество земельных тяжёб, что было гибелью для мелких собственников.

Так, благодаря небрежному измерению, возникло продолжительное дело у монастыря Лемвиотиссы с Констомаром и Пофом Сотирихом.² Стратопедарх³ Фракисийской фемы по императорскому приказу передавал монастырю имущество и, при определении границ, включил в число монастырских владений усадьбы Констомари и Сотириха, в которых культивировались виноградники. Монахи, считая себя полными владельцами, обратились к царю за разъяснениями и показали выданные им

¹ Ibid., 166.

² Ibid., 206—207.

³ Стратопедарх—чин военного ведомства.

хризовулы и определение границ, внутри которых не обозначены посторонние земельные участки. Поф и другие владельцы не могли представить доказательств, удостоверявших их права, или предъявить опись Фоки на их владения, и поэтому имущество было полностью отдано монастырю Лемвиотиссы, а Констомар и Поф были лишены прав на владение означенными усадьбами и никто из них, или их родственников не имеет права возбуждать иска против монастыря из-за имущества, виноградников и усадеб. Содержание разобранного нами указа не дает ясного представления о том, каким образом оказались эти усадьбы включенными в монастырское владение. Можно предполагать, что усадьбы с виноградниками действительно принадлежали частным лицам и, благодаря небрежной описи монастырского имущества, были случайно записаны за монастырем. Достоверность высказанного мнения укрепляется еще и тем, что тот же самый Фока «неизвестно каким образом» передал монастырю Лемвиотиссы усадьбу в 40 больших модиев в Асане, принадлежавшую протовестиариссе Ирине. Монахи пришли к Ирине и просили ее подарить им эту усадьбу, так как она граничит с монастырскими владениями. Просьба их была исполнена, и протовестиарисса пожертвовала им указанную усадьбу в полное владение с правом извлекать доход и владеть ею на вечные времена.¹ Подобная запись ярко характеризует беспорядочное ведение определения земельных границ. По ошибке отдавались земельные наделы во владение другому лицу, и, вероятно, для мелкого собственника оспаривать право на владение было почти бесполезно. С протовестиариссой монахи предпочли мирным путем разрешить спор из-за права обладания землей, а Констомара и Пофа считали слишком ничтожными для того, чтобы входить с ними в непосредственные отношения и по этому обратились за разрешением спора к самому императору. Конечно, в спорном деле монахи оказались правыми, так как у них имелись документы с описью стратопедарха Фоки, а у мелких собственников никаких документов не имелось, может быть, потому, что они с давних пор владели своей землей. Лишенные своих прав на владение, обиженные собственники не успокоились и постоянно предъявляли свои права на землю, а монахи обращались на них с жалобой к центральной власти. Четыре указа и три грамоты были изданы для урегулирования враждебных отношений монастыря с Пофом и другими владете-

¹ Miklosich et Müller, IV, 232

лями. Во втором указе севасту Калофету даже приказывается наказывать виновников долголетней тяжбы, пытавшихся предъявлять свои права на землю.¹

Угроза применения наказания (*παίδεσις*) к данным лицам, как и к жителям села Вари, не желавшим исполнять обязанности крепостных крестьян, указывает на то, что Поф и его родные принадлежали к числу мелких собственников, которых можно было телесно наказывать, так как по книге эпарха *παίδεσις* обозначает телесное наказание.

Аналогичная тяжба из-за земельных владений со знатым лицом, вестяристом Иоанном Равдоканаки, принимает уже иной характер, и монастырю приходится считаться с требованиями своего истца. Равдоканаки жаловался на захват монастырем его крестьянских усадеб по реке Димосиату, которые достались ему в качестве приданого от его тестя Влаттера. Эта фамилия Равдоканаки упоминалась нами еще ранее при определении положения париков. Тогда Равдоканаки был признан неправым, и в иске на землю ему было отказано, так как эта земля с усадьбами была расположена в монастырском селе Вари, а Гунаропулы рассматривались как монастырские парики, не имевшие права продавать землю. Но другие императорские указы, изданные несколько ранее, решают дело в пользу Равдоканаки. Императорский указ 4 индикта, октября месяца,² объявляет, что монастырь незаконно захватил усадьбы Равдоканаки и поэтому должен возвратить их прежнему собственнику с уплатой подлежащей десятины за время владения землей. Второй императорский указ³ выдан по просьбе самого Равдоканаки для утверждения его прав на владение, так как обладание письменными документами было необходимо всякому собственнику в виду постоянных земельных тяжб, и лица, не имевшие письменных документов, лишались прав на владение. Необходимо отметить то обстоятельство, что от тестя Равдоканаки Василия Влаттера эти же самые усадьбы отнимали Кипарисские эпики, подчиненные Смирнской церкви.⁴ Императорский указ, изданный по случаю жалобы Влаттера, приказывает расследовать это дело, и если жалоба Влаттера справедлива, то ему должно быть возвращено его

¹ Ibid., 208.

² Ibid., 218.

³ Ibid., 219.

⁴ Ibid., 217.

имущество, и кроме того эрики уплачивают десятину с урожая за время пользования землей. Затяжной спор из-за этой земли в Димосиате между многими заинтересованными лицами объясняется тем, что эта земля с усадьбами перешла к тестю Равдоканаки от Михаила, Ивана и Николая Гунаропуло, которых монастырь считал своими париками, и императорский указ не признал законной купчую на землю в селе Вари, совершенную Гунаропулами на том основании, что продажа, совершенная париками, не считается законной.

Следовательно, в данном случае император сам действовал неуверенно и не знал, кого признать правым в возникшей тяжбе. Такая неустойчивость в правовых понятиях являлась следствием тех изменений, которые происходили во внутренней жизни страны. Совершался процесс закрепощения свободных до того времени собственников, и поэтому возможны были два противоположных решения. Интересно отметить, что монастырь Лемвиотиссы и вестиярит Равдоканаки не обращали внимания на издание царских указов и продолжали свой спор, пока, наконец, не пришли сами к соглашению; в 1236 г. Равдоканаки продает землю за 5 полновесных перперов.¹ Редакция этой купчей была составлена монастырем, что ясно видно по стилистическим особенностям этой записи: «Земельные участки с усадьбами, говорится в этой купчей, родители наши не купили у Гунаропулов, но насильственно завладели ими и несправедливо дали нам в приданое».

Итак, споры и тяжбы из-за земли первоначально со Смирнским митрополитом, а потом с монастырем Лемвиотиссы вынудили преемников наследства Гунаропулов продавать свои земельные владения богатому соседу, то есть Лемвиотиссе, что мы наблюдаем вплоть до 1250 г.

Методы приобретения земли монастырем при этом менялись в зависимости от общественного положения соседа, от которого переходила земля в монастырский земельный фонд. Со знатными соседями, как протовестиарисса Ирина и вестиярит Равдоканаки, монахи считались и шли на уступки, а с мелкими землевладельцами, как Поф и его родные, монастырские власти действовали иначе и не искали возможности закончить дело мирным путем. Хотя монастырь со своими богатыми соседями поступал более осторожно, не желая их раздражать,

¹ Ibid., 192—193.

но и там борьба из-за права владения землей в некоторых случаях приводила к кровавым столкновениям и даже к убийству. Физические насилия и грабеж монастырского имущества производился обыкновенно крестьянами, которые, находясь под покровительством своего сюзерена, смело вступали в борьбу с богатым монастырем. Императорский указ и грамота клириков Смирны¹ ярко характеризуют ту ожесточенную борьбу, которая велась между монастырем и его соседями, париками Ивана Дуки Неостонга, прозванного Приноваром. Парики не только захватывали монастырское имущество, но и портили и уничтожали его, когда сами не в силах были захватить это имущество. Причину такой крайней ненависти из наших документов установить трудно, но можно предполагать, что вражда была обусловлена той системой захвата соседних земель, которая проводилась монастырем Лемвиотиссы. Сосед-помещик негодовал на монастырь не меньше, чем его крепостные, и, в результате, накопившееся в течение многих лет раздражение выливалось в формы кровавой борьбы париков с монахами. Одной из причин частых столкновений соседей между собою было общее владение в некоторых случаях пастбищами для выгона скота. В тяжбе монастыря с Комнином Враной это совместное владение играло выдающуюся роль в возникновении спорного дела, для разрешения которого было издано 6 императорских указов.² Монахи жаловались, что Комнин вторгается в их земельное владение в Палатии, а Врана утверждал, что монахи рубят его лес и не платят обычной подати с пастбища, которую уплачивали его тестю, и поэтому он отнял от них скот и кое-что иное. При окончательном разборе этого дела между монастырем и Комнином Враной, по приказу военного судьи, был просмотрен практик, составленный за 59 лет до этого стратопедархом Михаилом Фокой.³ На основании свидетельских показаний и описи было постановлено, чтобы пастбищем владели совместно, и ни одна сторона не имела бы права культивировать и вспахивать пастбищную землю. Волчьи ямы,⁴ поставленные друг для друга враждующими сторонами, приказано было разрушить, и соседям жить в мире между собою. Зимой пастбище должно быть общим, а весной

¹ Ibid., 257—260.

² Ibid., 273—284.

³ Ibid., 178—181.

⁴ Так переводит акад. Васильевский *χάνδαλας* в своей работе «Материалы для истории Византийского государства», стр. 161.

скот не выпускается для того, чтобы дать возможность вырасти траве. Власть в данном случае пытается мирным путем уладить ссору между соседями, которая приняла столь внушительные размеры, что враждующие стороны стали устраивать волчьи ямы, и, следовательно каждое владение представляло собою хорошо защищенный военный лагерь, готовый ежеминутно дать отпор нападающему врагу.

Средневековые соседи, кроме обычных взаимоотношений, вытекающих из совместного сожительства, были связаны между собою соседским правом. Это соседское право, признанное общеобязательным в новелле императора Романа 922 г., продолжало иметь юридическую силу и в XIII в. Соседи имели все права преимущества при покупке недвижимостей и даже имели право не считать законными купчие записи, совершенные их соседями без установленного уведомления, и тем более с лицами, не находящимися в соседстве с проданной землей. Крестьянскую усадьбу Качиварина, проданную без законного уведомления соседей, было постановлено возвратить монастырю, который в свою очередь обязался уплатить купившему денежную сумму, внесенную за эту усадьбу. Императорский указ постановляет, что если действительно было нарушено соседское право, то усадьба должна быть возвращена через крестьянский суд.¹ Ссоры из-за усадьбы Качиварина продолжались в течение нескольких лет, и слух об этом дошел до митрополита Смирны, который вмешался в это дело. Указ 1263 г.² постановляет, чтобы усадьба была продана монастырю по праву соседства, но не за 5, а за 8 перперов. Вероятно, долговременная ссора была причиной повышения цены на усадьбу, проданную, надо предполагать, за незначительную денежную сумму, и поэтому монастырь так упорно и отстаивал свое соседское право на приобретение земли и даже ради прекращения раздора повысил стоимость на землю. Недоразумения и ссоры были не только обычным явлением среди соседей, но и у земельных собственников со властью из-за взимания налогов. Целый ряд императорских указов приказывает чиновникам не требовать с монастыря уплаты налогов и не входить в монастырские владения.³ На основании дарственного хризовула, говорится в указе, государственным властям запрещен вход в монастырские вла-

¹ Miklosich et Müller, IV 154.

² Ibid., 155.

³ Ibid., 215—216.

дения, рыбные ловли и остальные места, принадлежащие монастырю. Государственные чиновники не имеют власти над монастырскими садами, неводами, метохами, хлебными запашками, деревнями в Мантии, в Палатии и в окружности, и монастырские владения избавляются от несения повинностей. Чиновник, нарушающий монастырскую привилегию, навлекает на себя штраф и бесчестье.¹

Итак, сами императорские чиновники нарушали предписания того правительства, которому они служили, что является характерным признаком дезорганизации государственного начала. Подобное явление, когда отсутствует сильная и твердая власть в государстве, губительно отзывается не только на мелком собственнике, но и на крупном землевладельце, который не может чувствовать себя вполне уверенно. Всякая неудача в то время была гибелью, так как пошатнувшееся экономическое положение сейчас же давало возможность соседям воспользоваться нуждою ближнего в свою пользу, то есть присвоить себе его имущество. Подобную картину мы уже наблюдали в момент разорения монастыря Лемвиотиссы, когда наименее добросовестные люди старались захватить чужую собственность и иногда даже прибегали к составлению подложных документов. Следовательно, даже наиболее богатые не могли быть уверенными в завтрашнем дне и не смели надеяться на поддержку со стороны государственной власти, постановления которой, как мы видели, не всегда соблюдались. Отсутствие прочной уверенности в своем будущем — весьма печальное явление в жизни государства, так как при наступлении внешней опасности правительство не может надеяться на поддержку со стороны населения и в результате терпит поражение, что и случалось с Византией при столкновении с турками. И этот вывод о внутреннем состоянии Византии не является следствием изучения актов только одного монастыря Лемвиотиссы, но и акты других монастырей выявляют перед нами ту же картину исчезновения свободного крестьянства и государственной анархии.

А. Вишнякова.

¹ Ibid., 217 ζῆμίᾱ μέλλει ὑποβληθῆναι καὶ ἀτιμίᾱ.